

Эрнст Генри

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ЖИЗНИ МЕРЗАВЦА

Есть тип мерзавца, которого ничто никогда не меняет. Его жизнь протекает последовательно. Где бы он ни проживал, в какой бы обстановке ни находился, он неизменно идет по кривой дорожке. Другой он не ищет и не желает. Живя от подлости к подлости, он не только не раскаивается, а находит в этом особое, всепоглощающее удовлетворение. Буржуазное общество с его острыми противоречиями рождает таких людей с регулярной, почти механической закономерностью. Они очень живучи и нередко в своем окружении играют важную роль. Именно некоторых из них остаются в истории, и не всегда со следами грязи; им удается обмануть не только современников. Других начинают разоблачать уже при жизни. Одно из таких имен — имя Жоржа Дантеса, убийцы Пушкина.

Об обстоятельствах этого убийства все или почти все с того времени известно. Целые книги написаны на эту тему. Но что стало с Дантесом после? Эта вторая часть его жизни, в которой, как впоследствии указывалось в некрологах, он достиг больших успехов и почестей, еще недостаточно исследована. Между тем, именно она бросает особенно яркий свет на его характер. Становится яснее, с какой именно личностью имел дело великий поэт.

Сам Дантес явно считал дуэль с Пушкиным только предисловием к своей биографии. В роковой день убийцы было всего 25 лет; жить ему предстояло еще 58. Настоящая карьера была впереди. Приемный сын барона Геккерена имел все основания так думать. В Европе того времени уже возникал широкий рынок для Дантесов. Контрреволюция повсюду готовилась к схваткам с революциями, и на людей определенного типа рождался спрос.

В течение первых лет после высылки из России Дантес все же держался сравнительно уединенно. Видимо, он боялся. Он очень хорошо знал, какую жгучую ненависть к себе он

возбудил в стране, откуда после преступления унес ноги. Укрываясь в эльзасском поместье своего родного отца, Дантес ждал своего часа. Час этот настал через восемь лет после трагедии у Комендантской дачи. Человек, убивший Пушкина, внезапно бросился в политику: в самую грязную политику.

По-видимому, Дантес уже в первой половине 1840-х годов через своего отца связался с реакционными католическими кругами в Эльзасе, за спиной которых стояли иезуиты. У этого могущественного ордена, специализирующегося на закулисной политической игре, в Эльзасе была влиятельная база. Но Дантес еще раньше, до поездки в Россию, был сам связан с ультраправым лагерем во Франции. Его покровительницей была герцогиня Беррийская, невестка низложенного в 1830 году короля Карла X. В 1845 году с помощью этих кругов Дантес проходит в генеральный совет французской провинции Верхний Рейн и три года спустя избирается в Национальное собрание, французский парламент того времени. Теперь, наконец, он в Париже, центре кипящей политической жизни страны, городе, стоящем накануне революции.

Дантес в Париже тех лет — это прежде всего классический прообраз мопассановского «милого друга». Перечитывая этот роман и следя за жизнью Дантеса после отъезда из России, перестаешь сомневаться; сходство между тем и другим неотступно бросается в глаза. Иногда кажется, что Мопассан просто списал «милого друга» с Дантеса. Едва ли великий французский писатель знал убийцу Пушкина лично. Хотя Мопассан написал свой роман еще при жизни Дантеса¹,

¹ 73-летним стариком в 1885 году Дантес не мог не прочитать эту вышедшую тогда и шумевшую на весь мир книгу, не мог и не узнать в ней, несмотря на некоторые различия и оттенки, самого себя. Он умер десятью годами позже, пережив Мопассана.

тот возвращался в другом кругу: ни к литературе, ни к журнализму салонный «лев» Дантес отношения не имел. Тем не менее нарисованный Мопассаном литературный портрет поразительно на него похож; сходится даже внешность.

Дантес предвосхитил «милого друга». В Париже, как до того в Петербурге, это все тот же авантюрист, хлюст без следа совести, делающий карьеру любыми средствами, во что бы то ни стало. Тот же профессиональный ловелас, сахарный красавчик, охотящийся за женщинами, чтобы использовать их в карьеристских целях. Тот же шакал в шкуре льва, ищущий прибыльных салонных связей, играющий в любовь для политики; политикой он пользуется для коммерции, коммерцией для политики. Тот же сутенер высокого, великосветского разряда.

Теперь нельзя, вероятно, доказать, что Дантес и в Париже, хотя бы в самом начале, делал карьеру с помощью женщин. Известно только, что он был постоянным посетителем парижского салона княгини Ливен, урожденной Бенкендорф (родственницы начальника III отделения при Николае I), салона мадам Калержи, урожденной графини Нессельроде, родственницы царского министра иностранных дел; позднее и салона императрицы Евгении Монтихо, жены Наполеона III. Судя по его портретам, несомненно, что он до конца своих дней, даже в старости, выглядел франтом; у «милых друзей» этого не отнять. Дружки Дантеса, которые сами его презирали, все же ему завидовали.

Но бесспорно и другое. Уже через год после своего появления в Париже в звании депутата Национального собрания Дантес нашел своего нового политического покровителя. Переметнувшись к нему от своих старых друзей, роялистов легитимистского толка, он от него уже не отходил. Это был принц Луи Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона I, ставший в декабре 1838 года президентом Французской республики, а в 1851 году, после устроенного им государственного переворота, императором Франции.

Как Дантес проник к Луи Наполеону, с помощью ли салонных дам или через друзей по Эльзасу — изузнать, сказать трудно. Так или иначе он еще до государственного переворота в 1851 году включился в окружение будущего Наполеона III — самого отъявленного мошенника в тогдашней Франции.

«Авантюристом, скрывающим свое пошло-отвратительное лицо под железной маской мертвого Наполеона»¹, — называл Маркс Наполеона III

в 1851 году. — «...Долгая бродяжническая жизнь авантюриста наделила его крайне тонким чутьем к критическим моментам, когда можно было вымогать деньги у буржуа. Он занимался форменным шантажом...»¹ «Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости»².

«Луи Наполеон иногда нарушает молчание, — писал о нем же Виктор Гюго. — Но тогда он не говорит, а лжет. Этот человек лжет так же, как дышит».

Именно такому человеку, отчаянно-му игроку, десятилетиями стремившемуся к трону, и нужен был такой сообщник, как Дантес. Карьеристу большого размаха всегда в неограниченном количестве требуются карьеристы мелкого пошиба; нужна своя свора. Видимо, эти двое сразу узнали и поняли друг друга. Так Дантес стал одним из приближенных агентов Наполеона III, когда тот еще был заговорщиком.

В сентябре 1849 года в Париже внезапно возникло странное «филантропическое» общество под названием «Общество 10 декабря». Состав организации был необычным. Во главе стояли два самых близких к Наполеону человека: его сводный брат, бывший сахарозаводчик Ш.-О. Морни, впоследствии министр внутренних дел и герцог, и Ж.-Ж. Персиньи, разорившийся богат, впоследствии также министр внутренних дел и герцог. Вокруг них теснились другие бонапартистские сановники. Но в то же время в организацию гуртом принимались отбросы парижских низов. Маркс писал об «Обществе 10 декабря»:

«Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лацдарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудиль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, с. 121.

¹ Там же, с. 166.

² Там же, с. 168.

пики, нищие — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельство бросают из стороны в сторону... Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата... таков подлинный Бонапарт, Бонапарт *sans phrase*...¹ В своем Обществе 10 декабря он собирает 10 000 бездельников, которые должны представлять народ... Во время его поездок члены этого общества, размещенные группами по железнодорожным станциям, должны были служить ему импровизированной публикой, изображать народный энтузиазм, реветь: „Vive L'Empereur“², оскорблять и избивать республиканцев — разумеется, под покровом полиции...

Обществу 10 декабря предстояло до тех пор оставаться частной армией Бонапарта, пока ему не удастся превратить государственную армию в Общество 10 декабря»³.

Читая эти строки Маркса, написанные об организации, действовавшей 131 год назад, современник не может не подумать: да ведь это типичные черносотенцы! Такого же толка, как те, каких много лет спустя под вывеской «Союза русского народа» насаждало в России царское правительство. Есть даже немалое сходство с немецкими эсэсовцами. У Гитлера и Муссолини были ранние предшественники. Хотя формальных доказательств не сохранилось, не подлежит сомнению, что в бонапартистском «Обществе 10 декабря», этой первой модели фашистской организации в Европе, с самого начала участвовал приближенный Наполеона, Морни и Персиньи — Жорж Дантес.

В краткой биографической сводке, переданной когда-то потомком Дантеса Л. Метманом П. Е. Щеголеву, вскользь упоминается, что Дантес «очутился в числе политических деятелей, образовавших комитет, известный под именем Комитета улицы Пуатье, и подготовивших водворение империи». «Комитет улицы Пуатье» представлял в то время все правые силы во Франции, в том числе и организаторов «Общества 10 декабря». Так или иначе, Дантес был замешан в эти дела. Он принадлежал к погромной организации. В знак благодарности Наполеон III после своего государственного переворота назначил Дантеса пожизненным сенатором и камергером с огромным по тому времени окладом.

Но темными политическими делами на службе реакции деятельность Дантеса в Париже в то время не ограничивалась. Он же принимал непосредственное участие в бешеных биржевых спекуляциях, потрясавших то-

гда Францию и всю Европу. Инициаторами этих спекуляций были те же стоявшие вокруг Наполеона авантюристы.

Уже через несколько месяцев после бонапартистского переворота в Париже под названием «Сосьетэ жeneral де Креди мобилье», или «Главное общество кредита под залог движимого имущества», был учрежден банк, ставший вскоре притчей во языцех. Как впоследствии объявили учредители, банк должен был стать «разумным стражем финансов и кредита», «способным предотвратить тревогу и ненужное возбуждение», равнодушным «к пристрастной или завистливой критике», отвечающим улыбкой на «резкие или обдуманные нападки» и гордо возвышающимся над пошлыми «измышлениями клеветников».

Это не из романа Золя, а из заявлений самих руководителей «Креди мобилье». Вероятно, ни один банк в истории до него или после него не выступал с такой возвышенной философско-этической программой своего бизнеса. Что же за ней скрывалось?

Маркс в те годы назвал банк «Креди мобилье» «крутым жульническим концерном»¹. В то же время он указывал на его важное значение. «„Crédit Mobilier“, — писал он, — представляет собой одно из самых любопытных экономических явлений нашего времени, подлежащее самому основательному рассмотрению. Без такого изучения невозможно ни определить перспективы Французской империи, ни понять симптомы всеобщего социального потрясения, проявляющиеся во всей Европе... „Crédit Mobilier“ открыто признается в своем намерении сделать себя собственником, а Наполеона Малого — верховным директором всей разнообразной промышленности Франции». Маркс добавлял, что помимо всего прочего Наполеону III с помощью этого банка «необходимо было уплатить свои собственные долги, а также долги respectableного сброда Общества Dix Decembre (10 декабря. — Э. Г.) и обогатить как себя, так и этот сброд за общий счет буржуазии и рабочих»².

Главная часть акций «Креди мобилье» находилась в руках семьи ростовщика Ашиля Фульда, личного банкира Наполеона III, которого он после прихода к власти сделал министром финансов. Директорами банка были ставленники Фульда братья Перейра, ловкие биржевые спекулянты. Членом правления был сводный брат Наполеона герцог Морни. Акционером через подсобных лиц явно был и сам Наполеон. Иностранцами делами бан-

¹ Без прикрас.

² «Да здравствует император!»

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, с. 167—170.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 215.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 24—25, 27.

ка вместе с Перейра негласно заправлял барон Геккерен — Жорж Дантес. Чем он занимался?

К «кредиту под залог движимого имущества» деловые операции «Креди мобилъе» не имели никакого отношения. Фульды и Перейра были строителями молодого французского капитализма, но, как указывал Маркс, занимались при этом прямым мошенничеством. Речь шла о широко поставленном грабеже публики и государства.

Договариваясь частным порядком — обычно путем подкупа — с министрами во Франции или в другой стране, «Креди мобилъе» задешево получал ценные железнодорожные или промышленные концессии, выпускал на огромные суммы акции нового предприятия и затем спекулировал ими как хотел. Сначала курс акций вздувался сверх всех ожиданий, затем резко снижался манипуляциями на бирже; оторопевшие вкладчики вынуждались спешно продавать свои акции — тем же спекулянтам. Потом все начиналось сначала. Люди обирались до нитки. Это делалось систематически.

Так, например, курс акций основанной банком во Франции Южной железной дороги был искусственно вздут с 400 до 800 франков, акций Тионской железной дороги — с 635 до 1835 франков и т. д. Подстроенное банком ложное сообщение об его деловых успехах в течение двух дней подняло курс его акций с 1200 до 1865 франков, а последовавшее затем «опровержение» бросило их вниз до уровня 1100 франков.

Состояния владельцев «Креди мобилъе» росли из месяца в месяц. Золя ярко описал эту бешеную игру в романе «Деньги». Когда в 1867 году «Креди мобилъе» наконец переиграл самого себя и обанкротился, состояние, оставшееся в руках одних лишь братьев Перейра, оценивалось в колоссальную для того времени сумму в 180 миллионов франков. Любой добросовестный суд должен был бы запрячь организаторов этого публичного разбоя в тюрьму на долгие годы. Но шайка, которая вела эту игру, сама правила Францией.

Дантес не принадлежал к числу руководителей «Креди мобилъе», для этого его калибр как игрока был все же недостаточно высок. Перейра или Фульдам он в подметки не годился. Он занимался всего лишь заграничными аферами банка; например, представлял его в правлениях таких предприятий, как «Компания привилегированных австрийских железных дорог», «Компания Североиспанской железной дороги», «Главное общество испанского „Креди мобилъе“», «Главное общество торговли и промышленности» в Амстердаме. Но в этих делах он был вполне на своем месте.

Для того чтобы выгодно приобретать ценные железнодорожные и другие концессии в те годы, надо было не только уметь ловко вести переговоры с теми или иными правительствами. Надо было знать, кого и за сколько подкупать; красоваться в аристократических салонах, завязывая важные связи; иметь любовниц при дворе; узнавать личные тайны влиятельных сановников; обманывать одних, превращать в соучастников других. Это ремесло Дантес знал. Никто не умел делать такие вещи лучше, чем «ослепительный» «милый друг».

В Париже, Вене, Мадриде он вызывал в кругах великосветской черни такое же восхищение, как когда-то в Петербурге. В возрасте 45 лет он все еще не утрачивал своей профессиональной обольстительности. Судя по всему, аристократические дамы-посредницы были и теперь повсюду к его услугам.

Не сговорившись, Бальзак, Мопсан и Золя, каждый по-своему, описывали Дантесов и их окружение в те годы. Они ничего не преувеличивали и ничего не утрировали. Перед глазами этих больших писателей благородству и мужеству французского народа, в гнев подымавшегося на восстания 1830, 1848, 1870-х годов, все время противостояла необразимая по грязи и жестокости жизнь крупной французской буржуазии. Фигура самого Дантеса в этой галерее была, разумеется, второразрядной. По существу он был ничтожеством. Но он был и особенно типичен. Салонный «лев» оказывался бесчестным дельцом. То и другое в жизни Дантеса не только совмещалось, но и взаимодействовало.

Было бы, например, интересно установить, какую роль он играл в 1855 году в деле приобретения банком «Креди мобилъе» от венского двора богатейшей концессии на постройку императорских и королевских железных дорог в Австрии. Послом Голландии в Вене в то время еще был его приемный отец барон Л. Геккерен, до революции 1848 года тесно сотрудничавший с самим Меттернихом. Но помогли, вероятно, также графини и баронессы. Дантес сам стал одним из членов совета австрийского железнодорожного концерна и ввел туда своего друга герцога Морни.

Еще интереснее было бы исследовать подлинную историю возникновения в январе 1857 года под эгидой «Креди мобилъе» «Главного общества российских железных дорог» — крупнейшего частного предприятия в России в то время, которому царское правительство передало концессию на постройку сети железных дорог длиной около четырех тысяч верст с проходом через 26 губерний. Официально Дантес в этом деле, конечно, не фигурировал. Явиться вновь в Россию по-

сле преступления 27 января 1837 года он не мог. Более чем вероятно, однако, что он и в этом случае помогал банку «Креди мобилъе» за сценой. Переговоры о концессии начались еще при жизни Николая I, с которым Дантес находился в прекрасных отношениях; как мы увидим, он имел личную встречу с Николаем в связи с другими делами в Берлине в 1852 году.

В «Главное общество российских железных дорог» были привлечены в качестве соучастников такие тузы тогдашней царской бюрократии, как позднейший министр финансов А. А. Абаз, генерал-адъютант А. Е. Тимашев, генерал-адъютант Н. М. Ламсдорф, шталмейстер двора граф Г. А. Строганов, товарищ министра внутренних дел А. И. Левшин, генерал-губернатор балтийских губерний граф Э. Т. Баранов, управляющий министерством путей сообщения граф В. А. Бобринский. Другой член совета общества, придворный банкир А. Штиглиц, через которого проходило дело, был известен своими приятельскими отношениями с царским министром иностранных дел графом К. В. Нессельроде. Как уже упоминалось, в салоне Марии Калержи, племянницы Нессельроде, вращался Дантес. Это были сливки сановного петербургского общества — того самого, которое с таким равнодушием или даже злорадством отнеслось к убийству Пушкина.

Контакты Дантеса с Петербургом шли через Париж. В сентябре 1858 года, через полтора с лишним года после получения банком «Креди мобилъе» концессии на постройку железных дорог, Герцен сообщал в своем «Колоколе»: «Несколько месяцев тому назад *la fine fleur*¹ нашей знати праздновала в Париже свадьбу (князя Н. А. Орлова с княгиней Е. Н. Трубецкой. — Э. Г.). Рюриковские князья и князья вчерашнего дня, графы и сенаторы, литераторы... и чины — все русское население, гуляющее в Париже, собралось на домашний русский пир к послу, один иностранец и был приглашен как почетное исключение — Геккерен, убийца Пушкина!»

Многое говорит за то, что Дантес действительно приложил свою руку к афере «Главного общества российских железных дорог», обошедшейся России в десятки миллионов рублей. Здесь опять осуществилась не только финансовая, но и темная политическая махинация в его вкусе. Уже через четыре года после своего учреждения железнодорожное общество «растратило» капитал, приостановило работы, и правительству пришлось взять новые расходы на себя. Компания Дантеса из «Креди мобилъе» умыли руки, предварительно основательно погрев их.

В самой Франции Дантес тогда же вошел в правление основанной банком «Креди мобилъе» «Парижской компании газового освещения и отопления». Эта афера была косвенно связана с предпринятой банком и дельцом бароном Ж.-Э. Османом грандиозной перестройкой Парижа. Главная цель была опять-таки политическая: убрать из столицы узкие извилистые улочки, которые так часто позволяли революционным рабочим строить баррикады. Но и тут одновременно велась спекуляция. Квартирная плата для простых парижан повышалась, и дельцы из «Креди мобилъе», в том числе Дантес, наживали на этих делах большие деньги. Их подрядчик барон Осман, обвиненный в незаконных манипуляциях, был вынужден подать в отставку.

Банку Фульдов, Перейра, Морни и Дантеса не удалось осуществить свою главную цель. Маркс писал в 1866 году, накануне банкротства «Креди мобилъе»: «Если бы Обществу («Креди мобилъе». — Э. Г.) удалось обменять акции всех промышленных компаний на свои собственные облигации (о чем и мечтали его основатели. — Э. Г.), то оно действительно стало бы верховным распорядителем и собственником всей промышленности Франции...»¹. В 1867 году «Креди мобилъе» потерпел крах и после падения империи Наполеона III был ликвидирован. Но Дантес, в числе прочих, нимало не пострадал, он снял сливки с бизнеса прежде, чем это произошло, умножив свое состояние.

Европейская буржуазия как бы уплачивала задним числом вознаграждение человеку, совершившему единственное в своем роде преступление против европейской культуры. Если считать по этому вознаграждению, то кровь автора «Евгения Онегина» оценивалась на парижской бирже во многие миллионы франков.

Стоит отметить, что Дантес в те же годы вмешивался даже в самую высокую международную политику. Установлено, что Наполеон III пользовался им как тайным эмиссаром для переговоров с иностранными правительствами и для всевозможных интриг. Так, в мае 1852 года, через несколько месяцев после бонапартистского государственного переворота, Наполеон III послал Дантеса с секретной миссией ко дворам Вены, Берлина и Петербурга, чтобы благоговременно заручиться их признанием своего восточества на императорский престол. Дантесу, а не профессиональному дипломату, было поручено это дело, и он преуспел. Дантес был принят австрийским императором и прусским королем и в Берлине же получил аудиенцию у гостив-

¹ Цвет.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 37.

шего там тогда Николая I. Его потомок Метман с восторгом сообщил позднее, что царь выказал Дантесу «благосклонность, напомнил ему о его службе в русской армии и разрешил ему со всей откровенностью высказать пожелания и надежды принца Луи Наполеона». О Пушкине Николай I Дантесу, видимо, не напомнил.

Четыре года спустя Наполеон III послал друга Дантеса Морни на коронацию Александра II и назначил его послом в Петербурге. Через Морни Дантес, очевидно, сохранял свои связи и «пружинки» в России — спустя 20 лет после высылки из страны. Теперь, однако, речь для него шла уже о чисто коммерческих аппетитах. Морни доносил Наполеону III: «Я вижу в России рудник для французской эксплуатации». Вскоре после этого и началось вторжение французского капитала в тяжёлую промышленность царской России.

Можно утверждать, что в середине прошлого века Дантес принадлежал к внутреннему ядру крайней реакции в Европе. Его главным покровителем был Наполеон III. Его приемный отец Л. Геккерен, как уже упоминалось, на посту голландского посла в Вене был близок к Меттерниху. Ему благоволил Николай I. Прусский принц Вильгельм I, ставший в 1871 году императором Германии, был благодетелем Дантеса еще задолго до Наполеона III: в октябре 1833 года Дантес приехал в Петербург с личной рекомендацией именно от принца Вильгельма. В Испании, где Дантес помог создать мадридский филиал «Креди мобилъ», у него тянулись нити ко двору королевы Изабеллы II, считавшемуся одним из самых реакционных в Европе. В самой Франции Дантеса, начиная с 1840-х годов, поддерживали иезуиты, столпы крайне правого католического клерикализма, а еще раньше его опекала герцогиня Беррийская из семьи Бурбонов. К таким силам он примазывался повсюду. Политическое лицо этого человека выглядывает из его биографии так же отчетливо, как его нравственное лицо.

Подтверждается и в данном случае, что политический и нравственный облик человека, как правило, неотделимы друг от друга. Не бывает морально грязных людей, которые становились бы справедливыми и честными политиками. Одно исключает другое. «Гений и злодейство — две вещи несовместные», — сказал устами Моцарта человек, которого убил Дантес. Отнюдь не случайно, что Дантес во второй части своей жизни оказался в лагере самых злобных реакционеров в Европе. Его место было именно там.

Вот почему биография убийцы Пуш-

кина относится не только к истории литературы, но и к политике. Пушкин был убит не просто легкомысленным французом-аристократом, а одним из первых фашистов в Европе. Можно пойти дальше и сказать, что с философской точки зрения сама дуэль Дантеса с Пушкиным, одним из светлейших умов в современном ему мире, была как бы наглядным уроком по исторической диалектике.

После крушения империи Наполеона III Дантес продолжал жить на награбленные капиталы и дожил до 83 лет. Такие люди обычно живут долго: они о себе заботятся. Все эти годы он оставался верен своей политической и моральной подлости. 22 марта 1871 года, через четыре дня после создания Парижской коммуны, по улицам французской столицы прошла демонстрация взбешенных контрреволюционеров. Участниками были офицеры-монархисты, биржевики, остатки черносотенного «Общества 10 декабря». В рядах демонстрантов шагал старик Дантес. Маркс по этому поводу назвал его в числе «известнейших выкормышей империи»¹.

Говорят, что именно Дантесу было посвящено стихотворение Виктора Гюго «Написано 17 июля 1851 года по уходе с трибуны»².

Все эти господа, кому лежать в гробу,
Толпа тупая, грязь, что превратится
Да, да, они пройдут, они умрут.

Пока же
Для сердца честного они что день,
то гаже.
Завистливы, тая ребячий злобный нрав
И с бешенством свое бесплодие осознав,
Идущему вперед они кусают пятки.
Им стыдно, что их лай — лишь слабые
зачатки

Рыцания, и тем унижены они.
Бегут они спеша: добыча там! гони!
Кто всех проворнее? И, таякая все

чаще,
В сенат врываются, как бы в лесные

чащи...
И брызжет их слюна, летя со всех

сторон,
В наказ народный, в честь,
в республику, в закон...³

Дантесы еще существуют. На Западе их сколько угодно. Рожденные классовым обществом эксплуататоров, они будут существовать до его конца. До тех пор мерзавцы этого типа едва ли переведутся.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, с. 335.

² После антибонапартистского выступления Гюго в законодательном собрании.

³ Перевод Г. Шенгели.

Звезда

Звезда

2
1980

1980

СОДЕРЖАНИЕ

Павел БУЛУШЕВ. Переправа. <i>Стихи</i>	3
Вадим ХАЛУПОВИЧ. Город Тотьма на том берегу... Ах, это было чудо из чудес... Когда б нас ни спросили... <i>Стихи</i>	4
Юрий СЛЕПУХИН. Южный Крест. <i>Роман</i>	5
Леонид МАРТЫНОВ. Разговор по-людски. Раскопки. С улыбкой на устах. В мелководной заводи... Я проснулся и почувствовал... Архивариусы. Над ней вороны... О, литература осьмнадцатого столетия... <i>Стихи</i>	64
Николай ГРИГОРЬЕВ. С башни времени (<i>Окончание</i>)	66
Владимир БРОВЧЕНКО. Рисунки Василия Касияна на бетонной ограде больницы. Матери, пересылая новое издание «Кобзаря». Корсунь-Шевченковские высоты... Песня причастности. Облако. <i>Стихи. Перевод с украинского Марии Комиссаровой, Петра Жура</i>	132

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Евгений ЗАЗЕРСКИЙ, Анатолий ЛЮБАРСКИЙ. Ленин и Запад (<i>Документальное повествование</i>)	134
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Лина ГЛЕБОВА. В поездке и дома (Дневник журналистки) (<i>Окончание</i>)	170
Эрнст ГЕНРИ. Вторая часть жизни мерзавца	192

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Даниил ГРАНИН. Книга о великом человеке и великом ученом	198
--	-----

КРИТИКА

Галина ЛЮБАЦКАЯ. Мир личности и личность в мире	203
---	-----

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Александр РУБАШКИН. Солдаты одной части (Константин Симонов, Илья Эренбург. В одной газете. Репортажи и статьи)	215
Александр ВОРОНЦОВ. Они сражались на Малой земле (Георгий Соколов. Мы с Малой земли)	218

СРЕДИ КНИГ

Г. Кондрашев — А. В. Пресняков. Над волнами Балтики. □ Ф. Чирсков — Валерий Мусаханов. Испытания. □ И. Инов — Ростислав Корнев. Семейная фотография	220
---	-----

60 коп.

Индекс
70327

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

